

Н. Бабенко

*Ното Лоquens начала XXI века
под пристальным взором русистики
(Заметки о проблематике
III Международного конгресса
исследователей русского языка)*

У русистики, как у каждой научной специализации, — масса узкопрофессиональных проблем, заинтересованному обсуждению которых были посвящены заседания 27 секций уже третьего по счету конгресса исследователей русского языка, проходившего в МГУ 20—23 марта 2007 года. В намерения автора настоящих заметок входит обзор не всего спектра изысканий, представленных участниками крупнейшего научного форума, а лишь тех материалов, предметом анализа в которых стали тревожащие ревнителей русского языка изменения, проявляющиеся в речи нашего соотечественника — современно-го Ното Лоquens'a.

I. Вследствие общей языковой либерализации в настоящее время **снижается престиж литературного языка**, происходит взаимопроникновение книжности и разговорности. По мнению В.Г. Костомарова, «книжность наталкивается на конкуренцию современных и куда менее ущербных средств фиксации, хранения и воспроизведения естественной речи. **Нормы языка теперь диктуются газетой, кино, телевидением и Интернетом**»¹, что свидетельствует о смене источников авторитетного словоупотребления. В чем опасность такой смены для «здоровья» русского языка? Дело в том, что до последнего времени (в данном случае «последним временем» целесообразно считать последнюю четверть XX — начало XXI века) источником языкового канона выступали литературные образцы высшей пробы, предельно выверенная и четко контролируемая речь радио- и теледикторов, а также речь, звучащая с подмостков лучших театров страны. Теперь же роль языкового образца переходит к средствам «масс-медиа», которые не способны воплотить идеальную норму вследствие как субъективных (низкая языковая компетенция говорящих и пишу-

щих в СМИ, упразднение соответствующих служб речевого контроля, отсутствие разумной и последовательной языковой политики), так и объективных (всё растущий динамизм массовой коммуникации, широкое распространение в принципе неподконтрольного Интернету) причин. Осмысление различных аспектов современной языковой ситуации приводит к выводу о том, что нелитературная речь СМИ, представляющих массовую культуру, оттеснила литературный язык, представляющий культуру элитарную, на периферию русского культурного пространства.

II. Расшатываются языковые нормы (прежде всего нормы словоупотребления), что приводит к так называемой «карнавализации речи», т. е. смешению речевых стилей, немотивированному, стихийному сочетанию литературного и жаргонного, книжного и разговорного, нейтрального и экспрессивного (чаще всего — заряженного крайне отрицательной, оскорбительной экспрессией).

Плодом разгульного «праздника вербальной свободы»² становится **более резкое противопоставление нормированного литературного языка и бытовой разговорной речи, в которой буйно «цветут» мат и криминальный жаргон.** Например, по наблюдениям М. А. Грачева, жаргонизм *лох* «является сейчас самым страшным оскорблением в речи воров, бизнесменов и школьников»³. *Беспредел, мочить, бацлять, мент, пахан, авторитет (= пахан), жить по понятиям, мокрое дело, забить стрелку...* Ряд слов, переходящих из замкнутого речевого пространства «русской фени» в речь не только бизнесменов и школьников, но и чиновников, политиков, государственных деятелей, всё пополняется, поскольку продолжается жаргонизация не только бытовой, но и публичной речи.

Что касается мата, то его пока не удастся вернуть в ту охраняемую моралью резервацию, в которой он находился ранее. Правда, кое-где грязно-речие уже попало под запрет: «... в ряде мест лишения свободы, особенно в тех, где неофициальным лидером является вор в законе, имеет место запрет на использование мата»⁴. Лидеры преступного мира табуируют мат как словесную систему, провоцирующую разлад в криминальной «семье». Кто, какими средствами и когда добьется табуирования мата в среде законопослушных граждан — вопрос непростой.

Еще одним свидетельством того, что криминальный «привкус» сегодняшней жизни свойствен и нашему языковому существованию, являются приведенные Л. И. Плотниковой примеры, демонстрирующие продуктивность в современном русском языке образования процессных существительных на *-изация*: *киллеризация, криминализация, бандитизация, мавродизация, аферизация* и пр.⁵.

III. **Русское речевое пространство захлестывается очередным валом иноречия.** Проблема иноязычных заимствований традиционно является предметом дискуссий сторонников и противников прирастания рус-

ского лексикона словами других языков. Противники заимствований, как и классические шишковисты, выступают против усвоения чужой культуры в ущерб своей, считают, что «заимствования передают лишь поверхностный смысл чужого слова, оторванного от внутренних связей и искусственно привитого к русскому языку»⁶. Сторонники заимствований, как и классические карамзинисты, приветствуют заимствования из иностранных (прежде всего английского) языков, видя в них естественное проявление языковой интернационализации. В этом вечном споре проявляются и борьба мировоззрений, и осознание неизбежности кросс-культурных (в том числе языковых) влияний, и надежда на самоочищающую, саморегулирующую способность языка, и здоровое понимание полезности умеренного, просвещенного пуризма. Безусловно согласны спорящие в одном: «ростово-американский сленг», пришедший на смену смеси «французского с нижегородским», уродлив, как всякая потуга на «культурность», не подкрепленная знанием и вкусом.

IV. Приметой нашего времени является своеобразный «речевой раскол» общества. Различные слои российского социума (например, молодые и пожилые, воцерковленные и нет) существенно различаются так называемым актуальным словарным запасом, отражающим внеязыковую картину мира в языке личности. Эти различия связаны с возникновением (наряду с устареванием как постоянным, естественным и длительным процессом перехода лексики в разряд архаизмов или историзмов, затрагивающим обычно отдельные слова какой-либо достаточно удаленной эпохи) нового процесса языковых изменений — так называемой **деактуализации лексики, при которой в результате «одномоментного слома» достаточно крупные тематические группы слов перестают быть актуальными — востребованными и, соответственно, внятными всем носителям языка по своему значению.** Например, по мнению Т. Г. Ашурковой, к настоящему моменту «такие наименования, как *горком, партком, колхоз, комсомол, совет* и мн. др. утратили свою актуальность для большей части современного российского социума»⁷. Но при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что все «советизмы» продолжают быть актуальными для тех, кто привержен стоящим за ними идеологии, образу жизни или просто хорошо осведомлен в соответствующей проблематике. Обратный процесс происходит с церковно-религиозной лексикой: она стала актуальной для той части нашего общества, которая не просто пришла в церковь, но и общилась к религиозной культуре, в том числе речевой, составляющей частью которой является, например, традиционная для языка церкви, но непривычная для носителей обиходного языка постановка ударений в словах *благовест, духовник, инокия, послушник, иконопись* и др.

V. Старую проблему орфографической и пунктуационной грамотности молодит и обостряет вольница, которая царит в интернетовских чатах,

«транслирующих» устную разговорную речь в письменной форме. **Неокрепший орфографический навык юных посетителей Рунета, языковая компетенция которых только формируется, уступает соблазну вседозволенности.** Отсутствие внешних сдерживающих, дисциплинирующих факторов при несформированности внутренних культурных установок приводит к торжеству фонетического принципа написания (сказать «*правописания*» в этом случае было бы неуместно). Орфографический хаос усугубляется произвольным или игровым вторжением небуквенных символов (цифр, всяческих специальных знаков), перекочевывающих с клавиатуры в чатовые тексты. Молодым, ежедневно посвящающим многие часы скитанию по диким степям Интернета, становится всё труднее (и всё меньше хочется) вернуться в культурное пространство кодифицированного русского языка. Труднее, потому что, как резонно замечает Е. И. Литневская, согласно и сегодня актуальной методической установке, «орфографии не учат “от противного”, учащимся не предлагают исправить намеренно необразцовый текст с орфографическими ошибками, все неправильные написания на доске исправляются, чтобы зрительная память не сработала на запоминание искаженного облика слова»⁸.

Антиорфография как «преднамеренная сетевая неграмотность»⁹ — характерное следствие не столько бесконтрольности письменной коммуникации в Рунете, сколько поиска сетевой формы самопредставления, избранной вполне образованными пользователями *Ресурса Удава* — сайта www.udaff.com, открытого в начале века петербуржцем Д. Соколовским под ником Udaff. С. В. Князев и С. К. Пожарицкая характеризуют антиорфографический язык *падонкафф* как специфический тип письма, изначально ориентированный на сознательное нарушение орфографических правил современного русского литературного языка¹⁰. Заметим, что давно известное *исчо* как анекдотическое доказательство того, что в слове *еще* можно сделать четыре ошибки, вошло в орфографические установления *аффттарского* сетевого письма. По мнению О. В. Дедовой, *Медвед с Приведом*, вышедший из Интернета в реальность, «делает задачу стабилизации и кодификации русской орфографической системы актуальной, как никогда ранее»¹¹.

По мысли А. М. Молдована, ценность русистики как науки определяется тем, насколько она «соответствует потребностям познавательного процесса, насколько перспективны ее начинания и насколько успешно они отвечают на вызовы времени»¹². «Вызовы времени» побуждают языковедов не только к аналитическому отслеживанию происходящих языковых изменений, но и к поиску путей и мер разумного регулирования этих изменений.

¹ *Костомаров В. Г.* Книжность и разговорность в массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 387.

² *Попова Т. В.* Морфемная структура слова в русском языковом сознании // Там же. С. 230.

³ *Грачев М. А.* К вопросу о запретной лексике в речи криминального мира // Там же. С. 114.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Плотникова Л. И.* Современные деривационные процессы с коммуникативно-когнитивной позиции // Русский язык... С. 229.

⁶ *Чапаева Л. Г.* Статус заимствований в русском языке первой половины XIX века: основные тенденции в оценке чужого языкового материала // Там же. С. 94.

⁷ *Ашуркова Т. Г.* Деактуализация лексики в контексте языковых изменений // Там же. С. 106.

⁸ *Литневская Е. И.* Об Интернете и так называемой «порче языка» // Там же. С. 393.

⁹ *Дедова О. В.* Антиорфография в Рунете // Там же. С. 342.

¹⁰ См.: *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации // Там же. С. 346.

¹¹ *Дедова О. В.* Указ. соч.

¹² *Молдован А. М.* Русский язык и русистика сегодня // Русский язык... С. 25.

